

якого знаходиться *гофрована трубка*" [1, с. 152]. 3. "Плечами мосту є опір R1 і R2 шарів підтримуючої рідини між вугільними *електродами* на кінцях широкого *півнояса* гідросфери й електродами спостережної сфери, *резистори* і *конденсатори*" [1, с. 150]. 4. "Поплавок з гіромотором вміщений у спостережну сферу, наповнену спеціальною підтримуючою рідиною" [1, с. 147]. 5. "Під час подачі трифазної напруги на клеми статорна *обмотка* двигуна знаходиться під повною напругою, оскільки робочі обмотки *дроселя* шунтуються контактами" [1, с. 159].

Способом тематичного членування електронавігаційної термінології, як і будь-якої іншої, можна встановити місце кожного терміна в цілісній структурі, виявити сукупність парадигматичних зв'язків і відношень між термінами тієї чи іншої лексико-тематичної групи, що розкриває шляхи подальшого дослідження термінології морської справи – судноводіння та судномеханіки. Дослідження цієї терміносистеми, яке в українській мові ще практично не проводилося, зумовлено потребами суспільства забезпечити певним кодом понять цієї конкретної сфери діяльності, адже Україна – морська держава. Вивчення, упорядкування, стандартизація власної термінології морської справи сприятиме подальшому розвитку всієї терміносистеми української мови.

Ознайомлення студентів морської академії та слухачів морського коледжу з особливостями та структурою терміносистеми судноводіння, зокрема українських назв електронавігаційних приборів сприятиме оволодінню ними спеціальними вміннями вправно оперувати фаховою мовою, галузевою термінологією, дасть уявлення про термінологію як складне структуроване утворення, про місце їхньої фахової мови в системі української літературної мови, про її функції, склад, специфічні ознаки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аверкиев В.П. Судовые рыбопоисковые и электронavigационные приборы / В.П. Аверкиев. – Ленинград : "Судостроение", 1975. – 215 с.
2. Дьяков А., Кияк Т., Куделько З. Основи терміноутворення. Семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А. Дьяков, Т. Кияк, З. Куделько. – К.: Вид. дім "KM Academia", 2000. – 268 с.
3. Кочан І. Динаміка і кодифікація термінів з міжнародними компонентами у сучасній українській мові / І. Кочан. – Львів: Вид-й центр ЛНУ ім. І. Франка, 2004. – 517 с.
4. Новий тлумачний словник української мови: 42.000 слів. У 4 т. / Укл. В. Яременко, О.Сліпушко. – К.: Аконт, 1998. – Т. 1: (А – Є). – 910 с.; Т. 2: (Ж – О). – 910 с.; Т. 3: (О – Р). – 927 с.; Т. 4: (Р – Я). – 941 с.
5. Удачин В.С., Крайнев Ю.В. Краткий словарь для молодых судоводителей/ В.С. Удачин, Ю.В. Крайнев. – М.: "Транспорт", 1991. – 80 с.

УДК 808.2-3

Елена Муссурова
(Тирасполь)

ПРОЦЕССЫ СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)

Розглядається проблема семантико-стилістичної нейтралізації в сучасній російській мові на матеріалі суспільно-політичної лексики. Зроблено спробу соціолінгвістичного аналізу лексикографічних джерел останніх десятиліть і текстів російських газет і журналів, що дає наочну картину розвитку основних тенденцій семантико-стилістичної нейтралізації в сучасній російській мові.

Ключові слова: суспільно-політична лексика, термін, семантична і стилістична нейтралізація.

This article is devoted to the problem of semantic and stylistic neutralization in the modern Russian language on the material of social and political lexics. It was tried to give sociolinguistic analysis of lexicographical sources of the last decades and the texts from Russian newspapers and journals, which give us a visual demonstration of the development of the basic tendencies of semantic and stylistic neutralization in the modern Russian language.

Key words: *social and political lexics, term, semantic and stylistic neutralization.*

Язык и политика – глубоко взаимосвязанные явления. Исследования политической коммуникации, а вместе с тем и общественно-политической лексики как принципиальной составляющей этого процесса, занимают важное место в рамках современной лингвистики. В связи с возросшей ролью политической коммуникации и коммуникативной деятельности, в настоящее время возрастает внимание к изучению общественно-политической лексики. Именно этот пласт лексической системы современного русского языка явился предметом нашего исследования. Общественно-политическая лексика (далее: ОПЛ) рассматривается в динамике её развития главным образом на рубеже XX-XXI в.в., особое внимание уделяется процессам её семантической и стилистической нейтрализации. Нами проведён социолингвистический анализ ОПЛ, осуществлено рассмотрение её как социально-детерминированной лексико-семантической подсистемы. Первоочередное внимание (при таком подходе) уделяется нами взаимоотношению социального и языкового, тому, как социальные факторы отражаются в лексической системе языка, как взаимосвязаны социальные и языковые изменения. Для социолингвистического анализа характерен учёт широкого социального, политического, исторического, культурного контекста, социально-ролевых отношений в обществе, фоновых знаний носителей языка. Особое значение придаётся определению состава и тематической организации ОПЛ русского языка, уяснению, какими темпами и за счёт каких ресурсов происходит обновление и развитие ОПЛ русского языка, выявлению семантических и стилистических характеристик элементов ОПЛ и описанию основных динамических процессов, происходящих в рассматриваемой подсистеме языка. Материалом исследования послужили общественно политические лексемы, отобранные из словарей современного русского языка, а также текстов российских газет и журналов.

Специфика современного политического языка в последние годы активно обсуждается специалистами (В.Н. Базылев, И.О. Воробьёва, Е.А. Земская, Е.Г. Казакевич, Л.П. Крысин, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.). Актуальность подобных исследований определяется тем, что ОПЛ наглядно отражает структуру общества, широкий спектр происходящих в стране социальных процессов. За достаточно короткие периоды общественной жизни в этой лексико-семантической подсистеме происходят изменения, занимающие длительное время в других подсистемах.

Несмотря на большое количество трудов, разнообразие тематик и областей исследования ОПЛ, ряд задач остаётся нерешённым. Тем более, что процесс трансформации лексического пространства почти непрерывен, в чём и заключается связь языковой системы с другими сферами общественной жизни (политической, социально-экономической, государственной). Совершенно очевидно: чем интенсивнее изменения в политике, тем интенсивнее изменения лексики на каждом этапе её развития.

Именно в сфере политической лексики наблюдаются существенные изменения, обусловленные общественно-политическими процессами. ОПЛ отличается высокой "динамичностью", многообразием жанров, социально-идеологической дифференциацией терминологии, обилием разнообразных эллипсов и метафор.

Несмотря на то, что изучение слов и устойчивых сочетаний общественно-политического содержания ведётся в отечественном языкознании давно и к настоящему времени имеется довольно обширная библиография по данному разделу лексикологии, но до сих пор нет единого общепринятого термина для обозначения данного лексического разряда и его однозначного толкования. Это связано с объективными трудностями, вызванными

неодинаковим пониманием состава и границ названного разряда, что в свою очередь объясняется сложностью самого объекта исследования, спецификой обозначаемых социально-политических понятий и явлений, которые обладают скрытыми противоречиями, обусловленными самой природой общественных явлений. По нашему мнению, наиболее чёткое определение понятия ОПЛ можно найти у Е.В. Розена. К данному классу лексики исследователь относит "всю терминологию международных отношений и мировой экономики, реалии внутривнутриполитической и экономической жизни данной страны, все обозначения, связанные с политическим устройством и общественно-политической жизнью других стран" [5, с. 95]. Соглашаемся с мнением автора, который указывает на своеобразие состава ОПЛ с точки зрения её семантики, которое заключается в том, что "зачастую нейтральные слова в политическом контексте могут получать дополнительное значение и приобретать политическую значимость" [5, с. 95-96].

В вопросе о количественной оценке ОПЛ также имеются расхождения [И.Ф. Протченко, А.Л. Голованевский и др.]. Следует полагать, что данный разряд лексики ввиду его особых свойств и характера имеет неустойчивые и размытые границы и вопрос о критериях выделения ОПЛ и её объёме нельзя считать полностью решённым.

В современной отечественной науке можно выделить два основных подхода к выделению и определению ОПЛ. Одни учёные (И.Ф. Протченко, А.А. Бурячок, Е.С. Якубовская и др.) определяют состав ОПЛ путём перечисления входящих в эту подсистему тематических групп. В определениях второго типа авторы пытаются дать более формализованные дефиниции, опираясь на некоторые общие семантические признаки, характеризующие входящие в ОПЛ единицы, и тем самым определить границы этой подсистемы (Х.М. Милигц, Л.А. Мурадова, Г.А. Заварзина, Л.А. Жданова и др.). В качестве компонентов, наличие которых в структуре значения той или иной лексической единицы служит основанием для отнесения её к ОПЛ, обычно перечисляются следующие: "политический", "социальный", "связанный с властью". Однако такой подход позволяет выделить только центральную часть, ядро ОПЛ, определение же её периферии обычно всё равно осуществляется через перечисление тематических групп.

Исследуя ОПЛ, лингвисты обычно придерживаются единого мнения о том, что внутри этого лексического пласта чётко выделяется ядро – слова "узкополитического" разряда типа "государство" (общественный строй; форма общественного устройства; государственная власть и государственное устройство; общественные организации и их деятельность), "политика и идеология" (виды политики и её проведение; общественно-политические движения и их представители), "экономика" (основные принципы государственной политики в области экономики; основные направления экономической политики).

На современном временном отрезке мы можем говорить о выделении следующих групп ОПЛ по сферам человеческой деятельности, из которых взяты те или иные слова в политическую речь, по сферам преимущественного употребления: 1) слова собственного политического дискурса: а) номенклатурные наименования лиц, ведомств, органов, территорий и т.п.; б) терминология электоральных и смежных технологий (политический маркетинг и т.п.); в) наименования политических партий, движений, течений и их членов (участников); г) политический жаргон; 2) термины права, употребляемые в общественно-политическом дискурсе СМИ: а) собственно термины; б) правовой жаргон; 3) экономические термины, употребляемые в общественно-политическом дискурсе СМИ; 4) религиозные термины, употребляемые в общественно-политическом дискурсе СМИ: а) традиционные; б) фундаменталистские; в) новые (сайентистские и др.); 5) этнографические термины, употребляемые в общественно-политическом дискурсе СМИ; 6) технические термины, обозначающие реалии, имеющие большую общественную значимость; 7) философские, культурологические, социологические, лингвистические и психологические термины, обозначающие реалии, имеющие большую общественную значимость.

Таким образом, можно сказать, что ядро ОПЛ и её периферия – явления сложные, и границы периферии ОПЛ достаточно условны, так как язык – живая, движущаяся материя.

Итак, ОПЛ – это особый пласт общего словарного состава, используемый для ознакомления с вопросами политики, экономики, общественного развития, обусловленных типом производственных отношений общественно-экономической формации, и имеющий следующие черты: 1) употребление ОПЛ рассчитано на понимание её не узким кругом специалистов, а широкими слоями населения. Принцип доступности публикуемого общественно-политического материала является основным в языковой политике; 2) ОПЛ чутко реагирует на все политические, социальные сдвиги и события, поэтому становление и развитие её особенно сильно обусловлено экстралингвистическими факторами социально-исторического характера; 3) многие общественно-политические языковые единицы обладают развитой лексической сочетаемостью; 4) одной из особенностей процесса организации новых слов является непредсказуемость его активности. В наибольшей мере это касается области общественно-политических отношений, в которой мы постоянно сталкиваемся с факторами массового появления однокоренных новообразований, в которой обнаруживается новая общественно-политическая проблема.

Таким образом, ОПЛ организована по определённом принципу, характерному для слов общественно-политического содержания. В смысловой же структуре ОПЛ просматривается особый вид эмоциональной оценки – социальный. При выходе из ограниченного терминологического поля в более широкую сферу, в частности в публицистику, ОПЛ приближается к общелитературной.

Общепризнанно, что от другой общеупотребительной лексики ОПЛ отличается тем, что она чрезвычайно тесно связана с социальной жизнью носителей языка, а также таким феноменом, как идеология. Следует отметить, однако, что у элементов, принадлежащих к разным подсистемам ОПЛ, эта связь носит различный характер. К примеру, ОПЛ терминологического происхождения так же идеологизирована, как соответствующие единицы общественно-политической терминологии. Названия организаций, блоков, политических группировок и течений и т.п. – это обозначения номенклатурного типа, которые выполняют сугубо референциальную функцию. Безусловно, нельзя утверждать, что в этих названиях непосредственно отражаются идеологические взгляды носителей языка. Но они обозначают реалии, важные для общественной жизни, часто в них репрезентируются особенности социального устройства, присущие разным общественно-экономическим формациям, поэтому некоторые из этих наименований могут быть идеологически значимыми и будут неодинаково оцениваться сторонниками разных идеологических взглядов. Например, переименование после революции 1917 года *полиции* в *милицию* и обратное переименование уже в ХХІ веке.

Проблема влияния социально-идеологических факторов на лексическую систему языка и их семантической репрезентации в настоящее время приобретает большой научный интерес. При этом важным является вопрос о статусе идеологизированного компонента в семантической структуре ОПЛ.

Общепринятой сегодня является научная позиция, согласно которой идеология как одна из составляющих концепций развития социума находит своё отражение в содержательной структуре политического слова.

О важном влиянии идеологии на язык свидетельствует большое количество работ в отечественной лингвистике ХХ столетия (И.К. Белодед, В.М. Брицын, Т.В. Весна, Г.О. Винокур, О.И. Воробьёва, В.И. Говердовский, А.Л. Голованевский, А.М. Григораш, П.Н. Денисов, Ю.Д. Дешериев, Т.М. Дридзе, О.П. Ермакова, В.М. Жирмунский, Е.А. Земская, С.И. Карцевский, Л.П. Крысин, Т.Б. Крючкова, Н.А. Купина, Б.Ю. Норманн, Е.Д. Поливанов, И.Ф. Протченко, А.А. Романов, А.М. Селищев, О.А. Семенюк, Е.С. Серажим, И.А. Стернин, С.П. Хижняк, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Г.М. Яворская и др.). Большинство исследователей основной типологической особенностью ОПЛ считают её

идеологизированность, которая в разных работах обозначается по-разному: "идеологическая обусловленность", "классовая ориентированность" и т.п.

Согласно другой точке зрения, идеологизированность – это специфическая черта, характерная для ядра ОПЛ.

Для советского общества был характерен идеологический монизм, который на языковом уровне репрезентовался в существовании единой системы ОПЛ, идеологическая дифференциация в этом случае, если и существовала, то носила имплицитный характер.

Отличительной чертой современного этапа российского общества является идеологический плюрализм. Множественность идеологий образует гораздо более хаотичное, чем в советское время, концептуальное поле, на котором развёртывается политический Дискурс. При этом основной доминантой его является достаточно жёсткая конфронтация между сторонниками прежнего и современного общественно-политического и экономического устройства страны. Отражая эту оппозицию, идеологическая дифференциация ОПЛ современного русского языка становится чрезвычайно отчётливой. Проявляется она и в актуализации в лексиконе приверженцев различных идеологических взглядов разных значений многозначных элементов ОПЛ (Ср.: *"равенство в отношении к средствам производства"* и *"равенство всех граждан перед законом"*), и в употреблении полиэмотивных слов с разными коннотациями (Ср.: *"коммунист"* в речах коммунистов и демократов), и в номинации одних и тех же реалий разными лексическими единицами (Ср.: *Великая Октябрьская социалистическая революция* и *Октябрьский переворот*).

Таким образом, границы и тематический диапазон ОПЛ очень широк и расплывчат: это термины и терминопонятия политики, экономики, торговли, военного дела, различных общественных наук, включая прямые наименования и перифразы, полные названия и аббревиатуры и т.п.; с другой стороны – это более или менее обиходные наименования, метафоры и даже имена собственные, за рамками которых может стоять определённый комплекс политических представлений и понятий. Они составляют то дополнительное назначение, которое слово (иногда только на некоторое время) приобретает в политическом контексте. Благодаря такому использованию целого ряда слов в специальном контексте политический словарь увеличивает свой и без того немалый терминологический и полутерминологический состав.

Пополнение русской лексики общественно-политического содержания определяется двумя ведущими тенденциями: стремлением к точности и однозначности, требующим полного наименования тех фактов, явлений и учреждений, о которых идёт речь, их официально установленных названий и тягой к нетерминологичной образности, яркости и экспрессивности слова, эмоциональной оценочности. На наш взгляд, первая тенденция ведёт к появлению и формированию громоздких устойчивых формулировок, калькированию иностранных слов-наименований официального характера; вторая стремится к новым, более "свежим" обозначениям, к замене сложных названий более компактными и менее официальными. Тенденция к точности номинации события, явления и т.п. сочетается со стремлением к объективности, "бесстрастности" некоторой части общественно-политической терминологии; тенденция же к экспрессивности заостряет внимание на тех или иных политических значимых сторонах обозначаемого объекта, гиперболизирует или, напротив, преуменьшает, показывая объект с иной стороны.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что ОПЛ – это единая система лексических единиц, имеющих в плане содержания такие семы, как 'политический', 'государственный', 'социальный', 'общественный'.

Социально-политические процессы последних лет обусловили многие языковые преобразования.

Активнее всего новые формы общественных отношений проявились в разнообразных семантических изменениях, затронувших и ОПЛ. Среди семантических процессов выделяются три основных: расширение значения, сужение и переосмысление. Особенно

показателен в этом отношении газетный материал. Именно здесь новая, посткоммунистическая идеология приобрела официальный статус.

Прежде всего, отмечается расширение значения с одновременной политизацией его в группе нейтральных, часто конкретных по применению слов.

Многие единицы ОПЛ утрачивают идеологизированные семы, например: *в буржуазных странах, в классовом обществе, в буржуазном обществе, в буржуазно-аристократическом кругу, оторванный от народа, эксплуататорский, господствующий, контрреволюционный, борьба за эксплуатацию, основанная на эксплуатации, эксплуатирующих; типичное для капиталистического, буржуазного общества; защищающей интересы господствующей верхушки, опирающаяся на силу господствующего класса, господствующий класс осуществляет свою власть, подавление классовых противников; враждебных политике коммунистической партии, марксизму-ленинизму, всякому прогрессу; передовой, прогрессивный, член большинства* и т.п. [2].

Также в современном русском языке ряд единиц ОПЛ утрачивает семы ценности того или иного понятия с точки зрения добра и зла, справедливости, понимаемых в рамках советской, марксистско-ленинской идеологии. Так, у некоторых единиц ОПЛ происходит снятие семы 'борьба за эксплуатацию', 'основанная на эксплуатации', 'эксплуатирующих', например, в лексемах империализм, капитализм и др. Тенденция снятия идеологических наслоений с единиц ОПЛ находит отражение в различных лексикографических источниках [1; 3; 4; 7; 8].

Утрата идеологических наслоений в семантике многозначных единиц ОПЛ рубежа XX-XXI в.в. приводит к сужению их семантической структуры. При этом указанный процесс в настоящее время ещё не завершён.

Наряду с этим, в современном русском языке происходят изменения в коннотациях, которые, по замечанию Л. Ферма [9], идут по двум основным направлениям: 1) слова и словосочетания с отрицательной оценочностью становятся нейтральными: *буржуазия, верующий, капитализм, коммерсант, конкуренция, предприниматель, частник, частная собственность* и др.; 2) слова с положительной оценочностью получают пренебрежительно-отрицательную, ироническую и даже бранную оценку: *большевик, плановый, пролетарский, соцреализм, светлое будущее, счастливое детство, мудрый вождь, родное советское правительство* и др. На базе подобных клише возникают по их образцу иронические сочетания типа: *светлое прошлое, вперёд к капитализму, назад в светлое прошлое, капитализм в отдельно взятой области* и др. Некоторые слова с отрицательной коннотацией получают положительное оценочное значение, например: *диссидент, плюрализм, многопартийность* и т.п.

Стилистические преобразования в лексике последних лет в большей своей части обязаны причинам внешнего социального порядка. К ним можно отнести изменение состава носителей литературного языка, эмоциональную напряжённость в жизни общества, резкое изменение общественных оценок жизненных явлений, событий, психологических и социальных установок и т.п.

Проанализированный материал показывает, что наиболее активно проявляются стилистическая нейтрализация и стилистическое перераспределение. Процесс нейтрализации касается как слов с завышенной стилистической окраской, так и слов стилистически сниженных. Этому способствует явная демократизация литературного языка, установление и формирование в нём более либеральных норм. Книжные слова *предпосылки, вкупе, доколе, воздать, всуе, тем паче, узреть, стезя, баталия, уготовить, избежать, радеть, ратовать, воочию, нежели* и др. благодаря активизации экспрессивности в языке ослабляют свою книжную окраску и, будучи помещёнными в нейтральные или даже сниженные контексты, становятся привычными, нейтральными. Слова *перспектива, принцип, проблема, престиж, тенденция* в словаре Д.Н. Ушакова [8] снабжены пометой "книжн.", которую они утратили в современном языке, поскольку стали употребляться свободно и широко в разных контекстах, вплоть до бытового. Утратили особую книжность и

слова *импонировать, импровизировать, ординарный, инертный* и др.; в бытовых контекстах встречаются слова *свершения, деяния, чаяния, достояние, поприще*, например: "*пойти по пути сокрытия и замазывания недостатков*" [2].

На сниженном стилистическом фоне часто используется и высокое книжное слово *держава*, например: талонная *держава, державка, слаборазвитая сверхдержава, хилая держава* [2].

Параллельно стилистической нейтрализации идёт процесс стилистического перераспределения – перемещения слов из одной стилистической группы в другую. Например, некоторые лексемы из группы нейтральной лексики перемещаются в лексику разговорную: *давича, повёртывать* и др.; в просторечную: *взаправду, загодя, кабы, по крайности* и др.; в книжную: *огласить, овечь* и др. К примеру, бывшие нейтральные слова *сговор, сборище* перешли в разговорные с негативным оценочным значением. Слово *сборище* в Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой снабжено пометой "разг.неодобр."; слово *сговор* – "обычно неодобр." [4].

Трансформации в функционально-стилистических семах общественно-политических словесных знаков русского языка конца XX – начала XXI в.в. могут проявляться, например, и в сужении сферы использования лексических единиц. Например, становятся сугубо книжными, получая в лексикографических источниках помету "книжн.", такие слова как: *гегемония* [7, Т.1, с. 303; 4, с. 405; 1, с. 196]: *гегемония "единороссов", гегемония российских клубов в Кубке чемпионов* и т.п. [2]; *экспроприация* [4, с. 740; 1, с. 1517]: "*экспроприация ценностей для срочной продажи*", "*экспроприация? У нас практически насильно отбирают дома и участки земли*" [2] и др.

Вместе с тем, современная публицистика иллюстрирует и то, что в языке определённых социальных групп названные слова не имеют ограничительных стилистических компонентов, к примеру: "*гегемония Соединённых Штатов*", "*стала разрушаться многолетняя американская гегемония в этом виде спорта*", "*культурная гегемония*"; "*конфискация, экспроприация – запрещённые слова в нашем словаре*", "*насильственная экспроприация у крестьян хлеба и другого продовольствия*" и т.п. [2].

С другой стороны, в лексикографических источниках находит отражение процесс возвращения в активное употребление устаревшей и малоупотребительной лексики, т.е. в словарных материалах перестаёт употребляться помета "устар.", например: *протекционизм* [3, с. 541; 4, с. 507; 1, с. 1030], *приватный* [4, с. 481; 1, с. 971] и др.

На рубеже XX-XXI в.в. некоторые единицы ОПЛ расширяют сферу своего употребления, утрачивая в лексикографических источниках помету "книжн.", например: *геополитика* [1, с. 199]; *коррупция* [7, Т.2, с. 108; 1, с. 460]; *платформа* [7, Т.3, с. 136; 1, с. 839]; *путч* [7, Т.3, с. 565; 4, с. 516; 1, с. 1049] и т.п., что иллюстрируется примерами из газетных материалов: "*Геополитика никогда не было особенно мирным делом, но оружие ведь меняется*", "*Коррупция в России приняла огромный размах*", "*их платформа – противостояние правительству Виктора Януковича*", "*остальные живут, как при царе Горохе. Зачем было устраивать путч?*" и т.п. [2].

К названной группе относятся и слова *экскурс, аморальный, авторитарный, аффект, контракт, коллегиальный, коллизия, оппонент, динамика, диссидент, регламентировать, регресс, резервировать, сепаратизм, унифицировать* и др.

В конце XX века многими исследователями отмечен активный процесс деполитизации ряда единиц ОПЛ, которые начинают использоваться в сферах, не связанных с политикой, а также в разговорной речи. Например: "*в обществе возник консенсус – на основе негативной, деградационной, опасной – но возник*", "*попытки японского правительства найти выход с надеждой на компромисс*", "*газеты сохраняли плюрализм и выглядели более разнообразно, чем новостные программы телеканалов*" и т.п. [2].

В завершении хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренные в настоящем исследовании семантико-стилистические процессы, касающиеся развития ОПЛ русского языка новейшего периода, безусловно, не являются завершёнными. Как справедливо

отмечается в научной литературе, "сейчас чаще можно говорить о процессах, о движении в семантике и не всегда о явных результатах. В настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как и в политике. Многое смешалось, перегруппировалось, размылось, но ещё не вполне определилось. Возможно, что некоторые (или многие) наблюдаемые сейчас явления в области семантики общественно-политических словесных знаков не закрепятся в качестве нормы, но и в этом случае зафиксировать их на определённом этапе развития языка интересно и важно, так как каждый этап в развитии языка заслуживает внимания и изучения" [6, с. 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл.ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2004. – 1536 с.
2. Источники фактического материала:
"Аргументы и факты" <http://www.aif.ru/>
"Газета" <http://www.gazeta.ru/>
"Известия" <http://www.izvestia.ru/>
"Комсомольская правда" <http://www.Кр.ru/>
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М., 1985. – 797 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН, Инст. рус. яз. им. В.В. Виноградова, 4-е изд., доп. – М., 1997. – 944с.
5. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. – М., 1976. – 174 с.
6. Русский язык конца XX столетия (1985-1995)/ Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1996. – 480 с.
7. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981-1984. – Т. 1-4.
8. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940. – Т. 1-4.
9. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материалах газет). – Uppsala, 1994. – 212 с.

УДК 81`42

Валентина Тихоша
(Херсон)

ПЕРЕНОСНЕ ЗНАЧЕННЯ СЛІВ ЯК ЗАСІБ ОБРАЗНОСТІ В ПОЕЗІЇ ЛІНИ КОСТЕНКО

У статті аналізуються різні види метафор та їх функції у ліриці Ліни Костенко.

Ключові слова: троп, метафора, образність.

In the article analysis different kinds of metaphors and their functions in the lyric poetry of Lina Kostenko.

Key words: trope, metaphor, specimen.

Поезія Ліни Костенко глибоко метафорична. У ній поєднується високий інтелект, жіноче серце, нестримний темперамент, духовні ідеали. Вражає оригінальність художнього бачення світу, особливості поетичної мови письменниці. Метафорична лексика як компонент мовної системи підпорядковується закономірностям мови, але має ряд специфічних ознак. Особливості цього шару лексики розглядали у своїх працях Т. Єщенко, Н. Варич, Л. Пустовіт, Н. Лисенко, Л. Кравець, І. Нечитайло, І. Олійник, Л. Ставицька, Г. Сютя та інші.

Яскрава метафорична мова поезій самобутньої української письменниці, що відображає не тільки філософські літературно-мистецькі, а й мовні шукання ХХ століття і значною мірою впливає на наступний розвиток літературної мови та стимулює подальше вивчення рідної мови, ще не знайшла належного висвітлення в лінгвістичних дослідженнях. Відомо, що метафори, безперечно, належать до найбільш вживаного виразового фонду лексики, але морфологічний склад та функціональний аспект метафоричного простору Ліни Костенко практично не вивчені. Отже, обрана тема статті є актуальною. Вивчення метафори,